

Маркевич Болеслав Михайлович

**Полное собрание сочинений Б.М.
Маркевича**

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
Полное собрание сочинений Б.М. Маркевича: Том 7 / Маркевич Болеслав Михайлович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 462 с.

ISBN 978-5-519-95430-3

ISBN 978-5-519-95430-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

П Е Р Е Л О М Ъ.

П Е Р Е Л О М Ъ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Ветхая мимо идоша и вся быша нова.

I.

The right man in the right place.

Силушка въ немъ живчикомъ переливается.
Былина о Волгѣ-богатырѣ.

Тишь да гладь. Родимая, русская природа съ ея тихо волнующимися линіями, съ ея не поразительною, но глубоко за сердце захватывающею, задумчивою прелестью... Вечеръ догораеть. Пахнетъ аиромъ и дикою мятой. Чуть-чуть переливаясь золотыми струйками, рябитъ лоно заросшей камышами, запруженной рѣчки, обращенной въ прудъ. Издали несется глухой стукъ усердно работающей толчеи. За рѣкой синѣетъ высокоствольный, густолиственный лѣсъ, а надъ нею, словно тѣпшась и играя, несется легкій паръ предвечерняго тумана. Болотныя птички довѣрчиво перепархиваютъ стаями, пересѣгаютъ на длинныхъ ножкахъ по желтому песку побережья; онѣ будто знаютъ, что имъ не грозитъ здѣсь опасности, что хозяинъ этихъ мѣстъ бережетъ ихъ приволье, не дозволяетъ ни себѣ, ни другимъ охотиться на принадлежащихъ ему берегахъ...

Вотъ и самъ онъ сидитъ съ толстымъ янтарнымъ мундштукомъ крученой папиросы въ зубахъ, подъ кровомъ незатѣйливой деревянной бесѣдки, устроенной въ концѣ большого тѣнистаго сада, на холмикѣ, выдающемся мысомъ надъ самою запрудой. Это уже сѣдой, но очень еще свѣжій, увѣченныи, но крѣпкій человѣкъ, съ живыми голубыми глазами, глядящими съ какою-то нежданною привѣтливостью изъ-подъ низко-нависшихъ надъ ними густыхъ, словно угрожающихъ бровей. Пустой рукавъ болтается, пристегнутый къ одной изъ пуговицъ лѣваго борта его полотнянаго лѣтнаго *кителя*. Недостающую въ немъ руку оторвала французская граната на одномъ изъ севастопольскихъ бастіоновъ. Это одинъ изъ уцѣлѣвшихъ изъ того разметаннаго такъ еще недавно орлинаго гнѣзна „Черноморцевъ“, о которомъ въ кипели *преобразовательнаго* водоворота какъ бы успѣшила тотчасъ же забыть Россія,—капитанъ 1-го ранга, Павелъ Григорьевичъ Юшковъ. Онъ вышелъ въ отставку вслѣдъ за заключеніемъ мира съ „союзниками“ и, поселившись въ этихъ мѣстахъ въ небольшомъ, но хорошо устроенномъ жениномъ имѣніи, исправляетъ въ настоящую минуту, до новыхъ выборовъ, должность уѣзднаго предводителя дворянства, за внезапною смертію старика князя Тарханова, кандидатомъ котораго состоялъ онъ до тѣхъ поръ.

Онъ не одинъ. По другой сторонѣ простаго сколоченнаго изъ двухъ досокъ стола, крашеннаго зеленою краской съ пузырящимися по немъ слѣдами небрежнаго мазка, сидитъ собесѣдникъ его, братъ, Василій Григорьевичъ Юшковъ.

Вы не забыли его, читатель? Мы разстались съ нимъ у смертнаго одра „неземнаго“ существа, унесшаго въ иной міръ *все*, счастливѣйшее и горчайшее, чтó уже на склонѣ лѣтъ, въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, дано было испытать ему въ жизни... Онъ долго не могъ притти въ себя послѣ „ея“ кончины, долго не могъ справиться съ подрывавшею его тоской. „Блеснуло на мигъ райское видѣніе и—исчезло“, повторялъ себѣ немолчно старый идеалистъ,—„исчезло до новаго свиданія. Когда же, когда?“... не договаривалъ онъ, боясь грѣховнымъ ропотомъ нарушить въ собственной душѣ то „дѣтское смире-

ніе предъ Высшимъ“, котораго „она“ была „чистѣйшимъ сосудомъ“ и „животворнѣйшимъ образцомъ“... Такъ прошло много лѣтъ. Онъ давно успѣлъ выслужить пенсію, но все также продолжалъ *смотрительствовать* и преподавать во ввѣренномъ ему уѣздномъ училищѣ, находя при этой должности наиболѣе удобствъ для исполненія воли покойнаго князя Ларіона Васильевича Шаступова, оставившаго ему по завѣщанію, какъ извѣстно читателю *), довольно значительную сумму денегъ „для вспомоствованія, по его усмотрѣнію, дѣтямъ бѣдныхъ родителей, желающимъ получить образованіе“. Всѣ помышленія старика все время посвящены были съ тѣхъ поръ заботамъ объ „этомъ павшемъ ему, недостойному, па долю святомъ дѣлѣ“, какъ выражался онъ на своемъ вѣчно восторженномъ языкѣ. И сколько онъ въ теченіе минувшихъ теперь со смерти завѣщателя двѣнадцати лѣтъ успѣлъ отыскать молодыхъ способностей и силъ, поставить ихъ на ноги и провести черезъ всѣ ступени ученія, сколько сирыхъ вдовъ и обнищавшихъ отцовъ ставили за него свѣчи предъ иконами за „выведенныхъ имъ въ люди“ дѣтей своихъ!...

Съ возвращеніемъ въ „родныя мѣста“ брата, котораго онъ былъ старѣе на цѣлыя восемь лѣтъ и съ которымъ лѣтъ двадцать не видался до той минуты, розы какъ бы опять разцвѣли на душѣ Василю Григорьевича. Этотъ братъ, „герой и мученикъ за отечество“, не вытѣснилъ,—нѣтъ, но помѣстился рядомъ, равноправнымъ хозяиномъ, съ „небеснымъ“ образомъ усопшей княжны Лины въ этой младенчески-чувствительной душѣ. Онъ, какъ говорится, не могъ *надышаться* на этого брата, налюбоваться имъ, его „безтрепетною“ рѣчью, его „отважнымъ“ видомъ, и „этимъ, этимъ всѣмъ, что онъ тамъ дѣлалъ... Господи, отъ одного отца, отъ одной матери,—и вдругъ такой человекъ!“ шепталъ онъ внутри себя, слушая его рассказы и признавая самого себя такимъ „мелкимъ, жалкимъ, ничтожнымъ“ въ сравненіи съ нимъ, съ „Пашей“,—съ „доблестнымъ командиромъ *Памяти Азова* ***) и 4-го бастиона,

*) *Четверть вѣка назадъ*. Глава послѣдняя.

**) Такъ называлось одно изъ большихъ судовъ бывшаго Черноморскаго флота.

имя котораго на вѣки записано на скрижаляхъ отечественной исторіи“...

Онъ и въ эту минуту (онъ проводилъ все каникулярное время у брата въ деревнѣ,) слушалъ его съ замирающимъ дыханіемъ, со словно оробѣлыми отъ восторга глазами, хотя Павелъ Григорьевичъ рассказывалъ ему не про четвертый бастіонъ, ниже про трехдечную громаду, надъ палубою которой звучалъ когда-то его властный голосъ, а про нѣкую даму, „землевладѣлицу“ его уѣзда, пріѣзжавшую къ нему нынѣшнимъ утромъ съ просьбой, удовольствованіе которой представлялось ему очень затруднительнымъ.

— „Вы здѣшній предводитель, повторялъ онъ оживленнымъ, полузабоченнымъ, полунасмѣшливымъ тономъ ея слова,—мнѣ не къ кому другому обратиться здѣсь. Она не принимаетъ никакихъ писемъ отъ меня, не пускаетъ меня къ себѣ. Мать моего мужа! Она мнѣ наконецъ должна, говорить, возвратить хотя то, что я принесла ей сыну, мои собственные деньги, сто тридцать пять тысячъ, которыя я за него заплатила, чтобы спасти его отъ тюрьмы въ Парижѣ. Она непродоходимая дура, это всѣ знаютъ, но должна же она понимать, что она не можетъ, не смѣетъ пустить меня подъ міру, что я не позволю ей этого, что мнѣ стѣдитъ только захотѣть,—и я такой подыму скандалъ на нихъ съ сыномъ... Вѣдь онъ всѣ мои брилліанты, говорить, укралъ у меня изъ ящика и отдалъ своей любовницѣ, — и если я этого скандала не сдѣлала до сихъ поръ, то единственно изъ уваженіи къ ихъ имени, которое ношу и я и которое они кинули въ грязь“!...

Скорбное выраженіе разлилось мгновенно по всѣмъ чертамъ старика-смотрителя; онъ закачалъ головой:

— Въ грязь, въ грязь, да,—такое имя! какимъ-то стenanымъ звукомъ вырвалось у него изъ груди.

Павелъ Григорьевичъ быстро обернулся на него и, какъ бы сообразивъ тотчасъ, проговорилъ, участливо глядя ему въ лицо:

— Да вѣдь этотъ мужъ ея — родной. стало-быть, братъ твоей... княжны?

— Братъ, прошѣпталъ, уныло потупившись, тотъ, — такой

сестры братъ и такого человѣка, какъ покойный князь Ларионъ Васильевичъ Шастуновъ, родной племянникъ... И такъ опустить себя!

Отставной морякъ вынулъ изъ своего мундштука и невесело усмѣхнулся:

— Да, братъ Василій, на этотъ счетъ я даже давно себѣ замѣчаніе сдѣлалъ: повѣтріе что-ли какое, чортъ его знаетъ, пошло нынче на большія-то имена нани, только чѣмъ знатнѣе и богаче родится теперь такой молодчикъ, тѣмъ дряннѣе человѣкомъ словно поровить онъ выйти.

— И что-жь хорошаго, Папа? робко замѣтилъ Василій Григорьевичъ: — имъ бы, напротивъ того, примѣръ показывать, вотъ какъ прежніе настоящіе вельможи были...

— Были... да сплыли, уронилъ его братъ:—видно не надо больше!...

— Государственныхъ-то людей не надо, Папа?

— На что? И верхоглядами обойдемся... Дай срокъ, свистуны настоящіе еще пойдутъ: къ тому идемъ!...

Онъ разомъ переѣхалъ разговоръ:

— Да вѣдь ты, должно быть, и эту самую княгиню знаешь, — молодую? Она, говорятъ, бывшаго вашего исправника здѣшняго дочь? По виду не скажешь: такая *grande dame*!... Развѣ что ужъ черезчуръ бойка и рѣчиста...

— Знаю, милый, знаю: какъ не знать! И батюшку-то ея покойнаго зналъ; въ одномъ городѣ шесть лѣтъ къ ряду прожили. Безъ правилъ безо всякихъ былъ человѣкъ, а только, повѣришь, — эстетикъ, къ прекрасному пламенемъ горѣлъ. Удивительно! Такъ, могу сказать, загадкой для меня и по сей часъ остался...

— Ну, а она что, дочь?... Особа недюжинная, сколько судить могу.

Василій Григорьевичъ осторожно обвелъ кругомъ глазами и заговорилъ шопотомъ, какъ бы боясь, чтобы кто нибудь не подслушалъ его словъ и не „смутился“ бы ими:

— По истинѣ скажу тебѣ, молоденькая еще очень она была, какъ увидалъ я эту особу у отца ея покойнаго, а такое съ самаго перваго раза произвела она на меня впечатлѣніе:—

гетера, ну, вотъ какъ есть афинская гетера, жрица наслажденія, не способная по натурѣ своей ни въ какому духовному стремленію, олицетворенное отрицаніе всего божественнаго на землѣ...

Морякъ усмѣхнулся.

— Да, она, надо думать, земной-то жизни вкусила всласть; прозвительная барыня по всѣмъ статьямъ, — глаза одни чего стоить!... Съ первымъ-то мужемъ она развелась?

— Какъ же! А человѣкъ какой хорошій, благородный!

— Знаю, Ранцовъ, Никаноръ Ильичъ, нашъ помѣщикъ, членъ губернскаго крестьянскаго присутствія. Человѣкъ отличный, дѣйствительно!.. Она вѣдь это мнѣ все съ полною откровенностью рассказывала, продолжалъ Павелъ Григорьевичъ. — Уморительная барыня! Играла она, видимо, въ Петербургѣ не послѣднюю роль, ко двору ѣздила и прочее... И полюбилъ ее тамъ не молодой ужъ, но очень большой баринъ, первый чинъ придворный, а она его. „Единственный“, увѣряетъ, „человѣкъ, котораго я любила въ жизни!“ Вотъ она изъ-за любви изъ-за этой и рѣшилась съ мужемъ развестись, чтобы за того графа выйти. Ранцовъ все на себя принялъ, — она, надо ей справедливость отдать, съ большимъ одобреніемъ о немъ относится... Только пока у нихъ это дѣло шло по консисторіямъ по всякимъ, графъ-то ея возьми, да и умри отъ простуды. Тутъ она, говоритъ, чуть съ ума не сошла, заболѣла и шесть недѣль съ постели не вставала. И такъ надо понимать по ея словамъ, что она въ то время готова была опять съ мужемъ сойтись, что ей это даже совѣтовалъ этотъ ея графъ предъ смертью. Только тутъ къ ней подъѣхалъ ея теперешній князекъ безпутный... Вѣдь мальчишка, сама говоритъ, на много моложе ея! Я ей прямо: „Какъ это вы, говорю, рѣшились за него итти, княгиня?“ Даже расплакалась. „Я, говоритъ, всегда была сумасшедшая: онъ такъ безумно влюбленъ былъ въ меня, преслѣдовалъ, клялся, съ пистолетомъ прибѣжалъ разъ, грозилъ застрѣлиться тутъ же у моихъ ногъ“...

— Словамъ безумнымъ повѣрила! закачалъ головой смотритель.

— Ну, это *она* говоритъ! замѣтилъ на это братъ его съ новою улыбкой, — а такъ полагать надо, что именемъ да состояніемъ прельстилась: князь Шастуновъ, въ одномъ нашемъ уѣздѣ 3,500 душевыхъ надѣловъ, понынѣшнему говоря, а что еще въ другихъ губерніяхъ, — лестно для такой женщины!... Только все это оказалось не его, а матери, потому какія даже перешли ему лично имѣнія отъ отца и отъ диди, — твоего князя Ларіона Васильевича покойнаго, — такъ и тѣ она перекупила у него, то-есть по-просту скупила векселя по надѣланнымъ имъ еще до женитьбы долгамъ въ Петербургѣ, да и заставила его перевести на нее все свое недвижимое. Баба эта — кулакъ, извѣстно; только и винить ее нельзя: сынокъ-то совсѣмъ лядящій выходитъ.

— И съ дѣтства не обѣщаль, тихо вымолвилъ Василій Григорьевичъ, — ангелъ-то мой, Елена Михайловна, душой смущалась, видимо, какъ только бывало заговарятъ о немъ... А ужъ про эту мать, про княгиню Аглаю Константиновну, лучше и не говорить. Паша, вскрикнулъ онъ, схватившись вдругъ обѣими руками за голову, — вѣдь она *се* въ гробъ свела, одна она!...

— Знаю, Василій братъ, знаю! Только опять же скажу, что въ этомъ дѣлѣ женитьбы сына надо и въ ея положеніе войти. Сынъ — мальчишка, мотъ, едва совершеннолѣтній, безъ ея вѣдома вѣнчается на женщинѣ старѣе его, *разводитъ*, сомнительной, самъ ты находишь, нравственности: — радоваться-то, по правдѣ, нечему!

— Да кто-жь про это, кто! жалобно проговорилъ старшій Юшковъ.

— Вѣдь сама же она мнѣ передавала, молодая-то княгиня, продолжалъ младшій: — онъ даже на бракъ дозволенія отъ начальства своего въ лейбъ-гусарскомъ полку не имѣлъ. Отпросился въ четырехмѣсячный отпускъ за границу, для излѣченія будто бы болѣзни, и гдѣ-то по пути въ деревушкѣ обвинчался съ нею, да прямо въ Парижъ, а оттуда въ полкъ просьбу объ отставкѣ, а матери: — „поздравьте меня, молъ, мамаша, я женатъ“! Ну, что изъ этого вышло — самъ можешь судить!... Старуха въ азартъ вошла неописанный, — въ Петер-

бургъ, въ III Отдѣленіе, съ письмомъ на Высочайшее имя... Только изъ этого ничего не вышло. Не развѣнчивать же ихъ! Да и притомъ, не достать,—въ чужихъ краяхъ, не выдадутъ... Не прежнія времена, какъ бы невольно сорвалось съ устъ отставнаго Черноморца,—когда отъ одного манія бровей на берегахъ Невы трепетала вся Европа!... Мать, само собой, какъ ты знаешь, пуще озлилась, стала ему съ каждою почтой ругательныя письма слать, чтобъ онъ немедленно жену кинулъ и ѣхалъ къ ней на объясненіе, а въ противномъ случаѣ она-молъ его проклянетъ... Вѣдь она, кромѣ того что вулакъ, еще глупости непомѣрной, говорятъ, женщина?

— Ахъ, Господи, весь даже покраснѣлъ старикъ-смотритель,—коза рогатая въ кринолинѣ!

— Грошъ за мною, Василій, засмѣялся морякъ,—такъ и очертилъ разомъ!... Ну, а сынъ съ женой и въ усть себѣ не дуютъ: все-молъ перемелется, мука будетъ; единственный сынъ, — рано-ли, поздно-ли, все-молъ его будетъ, да и старухѣ-то надоѣстъ злиться, положить гнѣвъ на милость. А пока деньги есть,—онъ привезъ съ собой, говоритъ она, просительница моя, тысячь тридцать, 120,000 франковъ,—повеселиться на это въ Парижѣ можно!... Ну и пошли!... Коротко сказать, въ два года,—женился онъ на ней весной въ позапрошломъ 1860 году, а вернулись они въ Россію полтора мѣсяца назадъ, въ маѣ нынѣшняго 1862 года,—просадили они тамъ, кромѣ его денегъ, и весь ея капиталъ,—эти самыя сто тридцать пять тысячъ, которыя она теперь требуетъ отъ свекрови, и, какъ она рассказываетъ, три четверти этой кучищи денегъ пошли не на ихъ собственные расходы, а на одну тамошнюю... какъ бишь называешь ты это *подревенему*, — „гетера“? Ну, а ихъ нынѣшнему „лоретками“ зовутъ, подчеркнулъ смѣясь Павелъ Григорьевичъ:—такъ онъ вотъ на такую госпожу промѣнялъ красавицу жену по прошествіи, говоритъ она, едва-ли года послѣ ихъ брака.

Старикъ молча и гадливо глянулъ въ сторону.

— Многое послѣ того можетъ ей прощено быть! словно сронилъ онъ съ губъ.